

АНАТОЛИЙ
БЕВЗА

ЖИВОЙ ДНЕВНИК

— роман —

Мои мысли
❤️

ИНОГДА САМОЕ ВАЖНОЕ НАЧИНАЕТСЯ В ТИШИНЕ

Анатолий Бевза

Живой дневник

<https://litres.ru/74466964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать дней без телефонов. Тридцать дней в старом доме в Сосновке. Тридцать дней, чтобы сказать то, что не получалось сказать.

После смерти деда семья Ковалёвых получает странное наследство: московская квартира достанется им, только если все четверо - Андрей, Лена, Максим и Соня - проживут месяц в деревенском доме без интернета и гаджетов. Каждый день они должны писать в общем дневнике. Никто не верит, что это сработает.

Но в тишине старого дома, где пахнет яблоками и дымом, вскрываются давние трещины: у каждого - своя боль. Соня борется с расстройством пищевого поведения, Максим - с травлей, родители - с долгами и недоверием. Дневник становится единственным местом, где можно сказать правду.

«Живой дневник» - это роман о том, как семья учится говорить. О том, что «нормально» - самое опасное слово. И о том, что иногда самое важное начинается в тишине.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИКАЗ ИЗ ПРОШЛОГО	5
Глава 1. Пепел	5
Глава 2. Тридцать дней	9
Глава 3. Гречка	14
Глава 4. Дом	18
Глава 5. Ящик	22
Глава 6. Овцы	27
Глава 7. Пишите правду	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТИШИНА ГРОМЧЕ	35
Глава 8. Второй день	35
Глава 9. Яблоки	40
Глава 10. Тяга	43
Глава 11. Река	46
Глава 12. Три цвета	52
Глава 13. Магазин	57
Глава 14. Серый ящик	62
Глава 15. Стирка	66
Глава 16. Монополия	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анатолий Бевза

Живой дневник

Посвящается тем, кто однажды остановился – не потому, что успел всё сделать, а потому, что дальше бежать было некуда.

«Потом» – самое удобное слово для того, что мы боимся сделать сейчас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИКАЗ ИЗ ПРОШЛОГО

Глава 1. Пепел

Соня

На похоронах деда никто не плакал.

Соня заметила это не сразу. Сначала было платье – чёрное, слишком свободное в плечах. Мама купила его вечером, за двадцать минут до закрытия, и сказала: «Нормальное. Ещё пригодится».

Потом были люди. Старики, которые называли деда Витей. Женщины в платках. Баба Валя из соседнего дома.

Потом телефоны.

Мама стояла справа и отвечала кому-то короткими сообщениями. Экран подсвечивал её лицо снизу синим. Папа держал телефон ниже, почти у живота. Максим был в одном наушнике. Второй висел на проводе у шеи.

Только Соня стояла с пустыми руками.

Гроб был закрытый. Наверное, хорошо.

Последний раз она видела деда три месяца назад. Он сидел на кухне в Сосновке, разламывал хлеб руками и спрашивал, не холодно ли ей. Она отвечала «нет», хотя мёрзла. По-

том он спросил, как школа. Она сказала «нормально». Потом мама сказала, что пора ехать, потому что пробки.

Вот и весь последний разговор.

– Сонюшка, ты почему ничего не ешь?

Баба Валя появилась рядом так внезапно, будто выросла из земли. В руках – тарелка блинов.

– Я ела.

– Что ты ела? Я слежу.

– Зачем вы следите?

– Потому что ты тонкая, как спичка. Бери.

Соня взяла блин. Он был тёплый и ни в чём не виноватый. На краю выступило масло. Соня смотрела на маленькую прозрачную каплю и не могла откусить.

– Ну?

Она откусила. Тесто стало тяжёлым ещё до того, как она проглотила. Внутри всё сжалось. Не желудок. Выше.

Соня улыбнулась.

Баба Валя удовлетворённо кивнула и ушла. Соня завернула остаток блина в салфетку.

Мама повернулась:

– Ты поела?

– Да.

– Молодец.

И снова посмотрела в телефон.

Соня подумала, что не хочет быть молодцом. Не хочет, чтобы её хвалили за еду. Не хочет слышать «оденься теплее»,

«не сиди допоздна», «скинь, когда доедешь».

Она хотела, чтобы кто-нибудь спросил другое.

Ты как?

И не ушёл после первого «нормально».

Гроб начали опускать. Кто-то рядом всхлипнул. Баба Валя. Земля ударила по крышке глухо, как ладонь по деревянному столу.

Первый ком. Второй. Третий.

Соня посмотрела на папу. Телефон наконец исчез. Андрей стоял, опустив руки. Лицо неподвижное.

Мама тоже убрала телефон. Максим вытащил наушник.

Четыре человека смотрели на яму. И всё равно между ними было дальше, чем от Сосновки до Москвы.

Соня вспомнила его руки. Не лицо. Руки. Большие, сухие, с тёмными пятнами. Он всегда резал яблоко на четыре части и вынимал сердцевину одним движением ножа.

Защипало глаза.

И тут мама наклонилась:

– У тебя тушь потекла?

Соня моргнула.

– Нет.

Слёзы высохли. Она не заметила когда.

После кладбища поехали в дедов дом. Тесно от людей и еды. На столе – тарелки с пирогами, селёдкой, картошкой, блинами. Соня села в угол у окна и считала.

Шесть пирогов с капустой. Восемь с мясом. На блюде –

двенадцать блинов. Потом один забрали. Одиннадцать.

Цифры успокаивали. Цифрам не было до неё дела.

Через час папа сказал:

– Поехали.

– Уже? – удивилась Баба Валя. – Вы хоть дом посмотрите.

Виктор Петрович тут всё для вас оставил.

Андрей дёрнул плечом.

– В другой раз.

Соня посмотрела на него. Слово прозвучало почти смешно.

В другой раз. У деда теперь не было никакого «в другой раз».

На крыльце Соня остановилась. В окне второго этажа мелькнуло что-то красное. Она подняла голову. Фотография на стене? Тряпка? Отблеск?

– Соня! – позвал Максим. – Ты едешь?

– Да.

Она села в машину. Красное пятно осталось в окне.

Глава 2. Тридцать дней

Максим

Нотариуса звали Аркадий Львович. Максиму он понравился сразу – главным образом потому, что, кажется, не любил никого.

В кабинете пахло бумагой и кофе.

Мама села ровно. Папа – слишком далеко от стола. Соня устроилась на краю стула и смотрела в окно.

Максим сел у двери. На случай побега.

Аркадий Львович открыл папку.

– Виктор Петрович Ковалёв оставил распоряжения относительно имущества.

Папа вздохнул.

– Можно короче?

Нотариус поднял глаза.

– Можно.

Максим едва не улыбнулся.

– Дом в Сосновке и участок переходят вам, Андрей Викторович, без дополнительных условий. Московская квартира принадлежит личному фонду, учреждённому Виктором Петровичем. В положении фонда предусмотрена передача квартиры семье при выполнении одного условия.

Мама перестала печатать.

– Какого? – спросил папа.

– Все четверо членов семьи должны прожить в доме в Сосновке тридцать последовательных дней.

Пауза.

– И? – спросила мама.

– Без личных смартфонов, компьютеров и доступа в интернет. Исключение – связь в экстренных ситуациях через устройство, оставленное Виктором Петровичем. Кроме того, каждый день каждый из вас должен делать запись в общем дневнике.

Папа засмеялся. Один раз. Коротко.

– Это шутка.

– Нет.

– У меня работа.

– Понимаю.

– Вы не понимаете. У меня проект. Люди. Сроки.

Нотариус ничего не ответил.

Папа подался вперёд.

– И если мы не поедём?

– Через тридцать дней квартира будет продана. Средства перечислят благотворительному фонду помощи детям.

Мама медленно повернулась к папе. Максим поймал этот взгляд. Очень быстрый. Будто между ними существовала цифра, которую дети не знали.

– Сколько стоит квартира? – спросил он.

– Максим, – сказала мама.

– Что? Все об этом думают.

Аркадий Львович закрыл одну папку и открыл другую.

– Условия важнее.

– Нет, – сказал папа.

Мама посмотрела на него.

– Андрей.

– Что «Андрей»? Тридцать дней? Без связи? Это невозможно.

– Возможно, – сказал нотариус. – Ваш отец прожил там последние семь лет.

– Мой отец был на пенсии.

– Это тоже верно.

Максим перевёл взгляд с одного на другого. Папа злился не так, как обычно. Обычно у него краснели уши, голос становился громче. Сейчас он говорил тихо. Значит, всё было хуже.

– А дневник зачем? – спросила Соня.

Аркадий Львович достал толстую тетрадь в тёмно-зелёной клеёнчатой обложке.

– Виктор Петрович просил передать её вам в первый день пребывания в доме.

На обложке было написано дедовым почерком: ЭТО НЕ ДНЕВНИК. ЭТО РАЗГОВОР.

– Правила? – спросила мама.

Аркадий Львович вынул отдельный лист.

– Четыре раздела. Один для каждого. Одна запись ежедневно. Содержание не проверяется. Читать чужой раздел до

окончания тридцатого дня нельзя.

– А как вы узнаете, что мы писали? – спросил Максим.

– Никак.

– Тогда можно просто поставить дату и точку.

– Можно.

– И это считается?

– Формально – да.

Максим посмотрел на папу.

– Нормальный дед.

– Максим.

– Что?

Он снова посмотрел на тетрадь. Тридцать дней. Без телефона. Внутри что-то шевельнулось. Не страх. Почти облегчение.

Последние три месяца телефон был как дверь, за которой кто-то всё время стоял. Он мог не открывать сообщения. Мог удалить приложение. Мог выключить звук. Но дверь оставалась.

И он знал, что за ней они.

В Сосновке дверь закроет кто-то другой. На тридцать дней.

– Мы едем, – сказал Максим.

Все повернулись.

– Что? – спросила мама.

– Я говорю: давайте поедем.

– Ты пять минут назад спрашивал, можно ли вместо за-

писи ставить точку.

– Можно и точку ставить в деревне.

– Максим, у тебя школа через две недели.

Он пожал плечами.

– Договоримся.

– С кем?

– Не знаю. С директором. У меня дед умер.

Соня посмотрела на него. Долго. Максим отвёл глаза.

– Тебе зачем? – спросил папа.

– В смысле?

– Ты первый согласился. Зачем?

Максим почувствовал, как внутри всё напряглось.

– Скучно здесь, – сказал он. – Хоть приключение будет.

Папа смотрел ещё секунду. Потом отвернулся.

– Я против.

Мама сказала:

– Квартира стоит слишком много, чтобы просто отказаться.

Опять этот быстрый взгляд между ними.

Аркадий Львович снял очки, протёр стекло.

– Решение нужно принять до пятницы.

Глава 3. Гречка

Лена

Лена составляла список. Списки были её способом не па-
никовать.

Она сидела на кухне в половине первого ночи. Андрей уже
лёг. Дети, вероятно, не спали, но делали вид.

На столе лежал блокнот.

1. Передать Наташе клиентов.
2. Предупредить бухгалтерию.
3. Отменить стоматолога.
4. Купить лекарства.
5. Взять второй телефон.

Второй телефон был рабочий. Формально. На нём стоя-
ли почта, мессенджер, контакты клиентов. Никаких фото-
графий. Никаких игр. Это не считалось зависимостью. Это
считалось ответственностью.

Лена встала, достала телефон из сумки. Положила на стол.

*Я просто возьму его с собой. Не включу. Не буду пользо-
ваться. Пусть лежит. На случай, если что-то случится.*

Она открыла шкаф. Телефон в косметичке найдут. В ап-
течке – тоже. В кармане сумки – первым делом. Её взгляд
упал на банку с гречкой.

– Нет.

Через минуту телефон уже лежал в чистом носке на дне

банки. Сверху Лена насыпала гречку. Закрыла крышку. Посмотрела.

– Мне сорок два года.

Банка молчала.

– У меня два диплома.

Гречка не впечатлилась.

– Я руководитель отдела.

Крышка блестела в свете лампы. Лена закрыла шкаф.

В дверях стоял Максим.

Она вздрогнула так, что ударилась локтем.

– Ты чего не спишь?

– Воды хотел.

– Вода в фильтре.

– Я знаю.

Он налил стакан. Лена встала между ним и шкафом.

Максим посмотрел.

– Мам.

– Что?

– Ты странная.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Он выпил воду. Уже уходя, спросил:

– Ты телефон прячешь?

Лена почувствовала, как лицо стало горячим.

– Какой телефон?

Максим хмыкнул.

– Никакой.

– Максим.

– Спокойной ночи.

Он ушёл. Лена открыла шкаф. Вытащила банку. Потом поставила обратно.

Это не потому, что я зависима.

Она вернулась к списку.

6. Взять две упаковки успокоительного.

7. Проверить страховки детей.

8. Положить наличные.

9. Не сойти с ума.

Она перечитала девятый пункт. Хотела зачеркнуть. Оставила.

Андрей появился на кухне босиком.

– Ты чего сидишь?

– Собираюсь.

– В час ночи?

– Кто-то должен.

Он открыл холодильник, достал воду. Лена смотрела на его спину.

– Андрей.

– М?

– Ты правда не можешь работать оттуда?

Он пил воду и не повернулся.

– Без интернета?

– Через это аварийное устройство. Может, нотариус даст

доступ хотя бы раз в день.

– Не даст.

– Ты спрашивал?

Пауза.

– Условия есть условия.

Лена посмотрела на него. Он поставил стакан в раковину.

– Я спать.

– Андрей.

– Что?

Она могла спросить. У тебя точно есть работа, которую ты боишься потерять?

Вместо этого сказала:

– Разбуди меня в семь.

– Хорошо.

Он ушёл. Лена ещё долго сидела одна. Потом дописала десятый пункт:

10. Не спрашивать, если не готова услышать ответ.

И впервые за вечер не поставила рядом пустой квадратик для галочки.

До отъезда оставалось три дня.

Три дня Лена передавала клиентов, закрывала проекты, покупала лекарства и молчала. Андрей ходил на работу, как будто ничего не решено. Максим не спрашивал, едут они или нет. Соня не выходила из комнаты, кроме походов в школу.

На четвёртое утро они погрузили сумки в багажник. Никто не сказал «поехали». Просто сели и поехали.

Глава 4. Дом

Соня

Дом оказался меньше, чем в детстве.

Сосновка начиналась с автобусной остановки, на которой синей краской было написано «НЕ СОРИТЬ», а под надписью лежала пустая бутылка. Потом шли одинаковые заборы, магазин с облупленным словом «ПРОДУКТЫ», несколько новых кирпичных домов и старые деревянные, наклонившиеся к дороге.

Дедов стоял почти у леса. Зелёный. Но зелёный был разный. На солнечной стороне краска выгорела до серого. Под навесом осталась густой, тёмной.

Соня вышла из машины. Воздух пах сырой землёй, дымом и травой. Он был зелёный. Не просто пах зеленью. Был зелёным.

– Тут связи нет, – сказал Максим. Он смотрел на экран, поднимая телефон над головой.

– Отлично, – сказала мама таким голосом, что стало понятно: ничего отличного.

Папа открыл багажник.

– Разгружаемся.

– Тут комары, – сказала Лена.

– Лен, это деревня.

– Я просто констатирую.

– Тут ещё земля есть.

– Спасибо, Андрей.

Максим усмехнулся. Соня пошла к дому.

Крыльцо скрипнуло под ногой. Дверь открылась туго, будто дом не хотел пускать их внутрь. Запах накрыл сразу. Старые книги. Сухие травы. Дерево. Пыль.

На стенах висели фотографии. Очень много.

Дед молодой – в форме, но не военной, а железнодорожной. Дед и бабушка у моря. Папа маленький, лет пяти, сидит у деда на плечах. Папа подросток возле мотоцикла. Папа с мамой в день свадьбы. Максим – младенец. Она – тоже.

Фотографии были не по порядку. Дед словно развешивал не годы, а то, что не хотел забывать.

В углу возле лестницы Соня увидела красное. То самое. Она подошла.

На фотографии девочка в красной шапке стояла по колена в снегу и смеялась, запрокинув голову. Соня узнала себя не сразу.

– Это я?

Никто не услышал.

Она сняла рамку. Ей было три или четыре. Щёки круглые. Зубы маленькие, неровные. Тело под пуховиком не имело формы, и её это совершенно не волновало.

Соня перевернула фотографию. На картоне – дедовым почерком:

«Сонечка. Первый снег. Красная шапка. Смеялась так,

что воробьи с сирени улетели. Январь 2012».

Она перечитала. Потом ещё раз.

Он помнил день. Шапку. Воробьёв. То, как она смеялась.

Соня попыталась вспомнить сама. Ничего. Только фотография.

– Сонь, – крикнул папа с улицы. – Помоги с сумками.

– Сейчас.

Она повесила рамку обратно. Ровно. Потом чуть поправила.

И вдруг почувствовала странное. Не грусть. Не радость. Как будто человек, которого больше нет, однажды остановился посреди своей жизни и подумал о ней достаточно долго, чтобы взять ручку и записать.

Сонечка.

Не «поела?», не «оценки?», не «почему молчишь?». Просто она.

На кухне мама открывала шкафы.

– Тут чашки грязные.

– Пыльные, – сказал папа.

– Это меняет всё.

Дверца одного шкафа не закрывалась. Просто не закрывалась – и всё. Максим пинал её ногой. Она хлопала и снова открывалась.

Максим открыл кран. Ничего.

– Воды нет.

– Колодец, – сказал папа.

– Шутишь.

– Нет.

– А душ?

– Нагреем воду.

Максим медленно повернулся к Соне.

– Мы умрём.

– Ты первый.

– Почему?

– Ты больше.

– Логично.

Мама не засмеялась. Папа тоже. Соня снова посмотрела на фотографию в коридоре. Девочка в красной шапке смеялась за всех.

Глава 5. Ящик

Максим

Вечером Аркадий Львович появился на планшете. Планшет был дедов. Старый, в чёрном чехле. На главном экране – часы, кнопка видеосвязи и три номера: нотариус, скорая, спасатели. Всё.

Максим проверил. Дважды.

– Даже браузера нет, – сказал он.

– Какая трагедия, – отозвалась мама.

– Для тебя тоже.

– Максим.

– Что?

Из динамика прозвучало:

– Я вас слышу.

Все замолчали.

Аркадий Львович смотрел с экрана тем же лицом, что в кабинете.

– Все личные устройства, – сказал нотариус. – Телефоны, планшеты, ноутбуки, умные часы.

– Часы тоже? – спросила Соня.

– Если они подключаются к сети – да.

Папа первым положил телефон. Мама – свой. Потом часы. Потом рабочий планшет.

Аркадий Львович посмотрел на неё.

– Лена Викторовна.

– Что?

– Второй телефон.

Мама не моргнула.

– У меня нет второго.

Максим повернул голову. Соня тоже. Даже папа удивился.

Нотариус листнул бумагу.

– Виктор Петрович оставил перечень номеров. Ваш рабочий номер заканчивается на сорок семь.

Тишина. Максим прикусил губу изнутри.

– Это старый номер, – сказала мама.

– Возможно.

– Им никто не пользуется.

– Тогда сдать его будет особенно легко.

Папа закрыл глаза.

– Лена.

– Что «Лена»?

– Где телефон?

– Господи.

Она ушла. Вернулась через две минуты. С банкой гречки.

Максим отвернулся к стене. Поздно. Смех вырвался.

– Даже не начинай, – сказала мама.

Она поставила банку на стол, открутила крышку и достала носок. Папа смотрел. Соня смотрела. Аркадий Львович смотрел с экрана.

– Это не то, что вы думаете, – сказала мама.

– Я ничего не думаю, – ответил нотариус.

И именно это окончательно добило Максима. Он согнулся, пытаясь не ржать вслух. Даже Соня закрыла рот ладонью.

Папа сказал:

– В гречке?

– Замолчи.

– Я просто уточняю.

– Андрей.

– Всё.

Мама положила телефон в ящик. Лицо у неё было красное.

Потом пришла очередь Сони. Она провела пальцем по экрану, словно прощалась. Последним сообщением на экране Максим успел увидеть:

Мама: Ты поела?

Соня быстро заблокировала телефон. Положила.

Максим остался один. Достал свой. Экран загорелся.

23 непрочитанных.

В животе сразу стало холодно. Он открыл экран уведомлений. Три сообщения от неизвестного аккаунта. Одно от одноклассника Лёхи.

Ты видел?

Пять смеющихся эмодзи в общем чате. Скриншот.

Максим не открыл. Нажал кнопку блокировки. Положил телефон в ящик. Сверху на мамин.

Папа закрыл крышку. Щёлкнул замок. Звук был малень-

кий. Металлический. И совершенно прекрасный.

– Ключ? – спросил папа.

– Положите в конверт, – сказал нотариус. – Завтра мой помощник заберёт.

– А если передумаем?

– Откроете ящик. Условие будет нарушено.

– И вы узнаете?

– Я полагаюсь на вашу честность.

Максим усмехнулся.

– Опасная стратегия.

– Большинство завещаний на ней и держится.

Связь оборвалась. Все посмотрели на ящик.

Мама первая ушла из кухни. Папа – следом. Соня задержалась.

– Ты рад, – сказала она.

– Чему?

– Что телефон там.

Максим почувствовал, как внутри всё сжалось.

– С чего ты взяла?

– У тебя лицо другое.

– Какое?

– Не знаю. Как будто зуб перестал болеть.

– Не знаю.

Он посмотрел на сестру. Она уже уходила.

– Сонь.

– М?

– Ты тоже рада?

Пауза.

– Нет.

Она ушла. Максим снова посмотрел на ящик. Телефон лежал в тридцати сантиметрах от него. И впервые за три месяца он не мог ничего сделать.

Максим положил ладонь на холодную крышку.

– До свидания, – сказал он тихо.

И сам не понял, кому именно.

Глава 6. Овцы

Лена

Ночью дом оказался громким. Днём Лена этого не замечала.

Ночью каждый звук приходил отдельно. Ветка билась в окно. Где-то в стене шуршало. На кухне тикали часы. Раскладушка под Максимом скрипела через каждые несколько минут.

Подушка пахла пылью и чем-то сухим, травяным – кажется, лавандой. Простыня была холодная с одного края и тёплая с другого. Лена всё время переворачивалась и не могла найти место, где не давит.

Где-то на чердаке скрипнула половица. Не от шагов. От холода. Дом остывал медленно, как старик, который не хочет засыпать.

Лена лежала на боку и смотрела на пустую тумбочку. Рука уже четыре раза тянулась туда сама. На пятый она разозлилась.

Тумбочка была деревянная, с облупившимся лаком. На ней стояла чашка – не их, дедова. С отбитой ручкой. Лена не убрала её. Не смогла.

Ну нет телефона. И что?

Она закрыла глаза. Сразу увидела почту. Красный кружок с количеством новых писем. Наташа пишет. Игорь из финан-

сов. Групповой чат: двадцать семь сообщений. Может, уже сорок. Может, Наташа не справилась. Может, клиент ушёл. Может, кто-то уже принял решение без неё.

Последняя мысль была самой неприятной.

Внизу что-то стукнуло. Не громко. Печка остывала. Металл щёлкал, как будто внутри кто-то пересчитывал что-то своё.

– Мам.

Лена открыла глаза. Соня говорила из гостиной.

– Что?

– Ты спишь?

– Теперь нет.

– Извини.

– Что случилось?

Пауза.

– Я есть хочу.

Лена посмотрела на часы. Два двадцать.

Часы были старые, с треснувшим стеклом. Цифры светились зелёным. 2:20. Не 2:19, не 2:21. Ровно 2:20. Лена почему-то запомнила это.

– Там хлеб есть. И сыр.

– Не хочу.

– Тогда потерпи до утра.

– Угу.

Снова тишина. Лена почти закрыла глаза.

– А я хочу в интернет, – сказал Максим.

– Господи, вы оба не спите?

– Я спал. Потом Соня сказала «есть хочу», и я проснулся.

– Я шёпотом сказала!

– У тебя громкий шёпот.

– Максим, заткнись.

– Вот видишь, мам, она агрессивная от голода.

– Максим.

– Всё.

Лена повернулась на спину. Потолок был низкий, деревянный. По балкам.

Скрипнула раскладушка. Через минуту он сказал:

– Я без музыки не могу.

– Считай овец.

– Уже.

– И?

– Они все в скинах из «Фортнайта».

Лена фыркнула. Сначала один раз. Потом засмеялась. Тихо, в подушку. Подушка пахла лавандой и пылью. И смеяться в неё было мягко. Максим тоже.

Из гостиной послышалось возмущённое:

– Что смешного?

– Ничего, – сказала Лена.

– Вы оба ненормальные.

– Спи. Сонь.

– Я пытаюсь.

Андрей рядом повернулся.

– Я всё слышу, – пробормотал он.

– Ты спал.

– Уже нет.

Он положил руку ей на плечо. Тяжёлую, тёплую. Не при-
тянул. Просто положил. Лена не сбросила.

– Извини.

– Ладно.

И снова тишина.

В окне было чёрно. Ни фонаря, ни луны. Только чёрное
стекло и отражение – смутное, своё. Лена смотрела в него и
не узнавала.

Лена лежала и улыбалась в темноте. Смешно было совсем
чуть-чуть. Но смех оказался настоящим.

Потом она вспомнила, что дед умер неделю назад. Улыбка
исчезла. Сразу стало стыдно.

Что со мной не так?

Рука снова потянулась к тумбочке. Пусто. Лена положила
ладонь на матрас. Матрас был тонкий. Под пальцами – пружина.
Одна. Лена нащупала её и нажала. Пружина скрипнула.
И вдруг услышала дыхание остальных.

Андрей рядом. Соня за стеной. Максим.

Четыре человека в одном старом доме. Никто никуда не
мог уйти в экран.

Это должно было успокаивать. Почему-то пугало.

Печка внизу щёлкнула ещё раз. Потом затихла. Дом уснул.
Лена – нет.

Глава 7. Пишите правду

Все

Утром тетрадь лежала на кухонном столе. Ключ от металлического ящика уже увёз помощник нотариуса. Интернета не было. Телефонов тоже. Оправданий становилось меньше.

Соня открыла обложку. На первой странице дед написал крупно:

«Если вы читаете это, значит, согласились на мою последнюю глупость. Я не знаю, поможет ли она. Мне самому разговоры обычно давались хуже, чем молчание. Поэтому не буду учить вас жить. Только одно: пишите то, что не получается сказать. Хотя бы иногда – правду.

Виктор».

Соня перечитала последние две строки.

– И всё? – спросил Максим через плечо.

– Всё.

– Я думал, будет что-нибудь жуткое. Типа «я слежу за вами».

– Он умер, – сказала Соня.

– Это как раз добавляет жути.

Тетрадь была разделена на четыре части цветными закладками. Красная. Синяя. Зелёная. Жёлтая.

– Я синюю, – сразу сказала Соня.

– Почему?

– Хочу.

Максим взял красную. Лене досталась зелёная. Андрею – жёлтая.

Вечером они разошлись по дому. Не договариваясь. Будто писать рядом было неприлично.

Андрей ушёл в спальню. Лена осталась на кухне. Максим сел на крыльце. Соня поднялась на чердак.

Андрей. День 1

Я злюсь на отца.

Андрей остановился. Зачеркнул. Написал снова.

Я злюсь на отца.

Оставил.

Он всю жизнь не умел нормально попросить. Всегда через условия. «Сначала сделай – потом получишь». Даже сейчас.

У меня работа.

Ручка замерла. Он посмотрел на слово.

Работа.

Зачеркнул следующую строку до дыр. Потом написал:

Печка дымит. Завтра разберусь.

Он поставил точку.

Лена. День 1

Тут тихо. Ненормально тихо. Я всё время думаю, что пропускаю что-то важное.

Она написала: Наверное, я слишком привыкла к работе.

Зачеркнула.

Я боюсь, что без меня там справятся.

Зачеркнула сильнее.

Чернила размазались. Лена закрыла глаза. Потом написала внизу:

Сегодня Максим сказал про овец в «Фортнайте». Я смеялась. Это было глупо. Было хорошо.

Максим. День 1

Тут скучно.

Он посмотрел. Достаточно. Формально запись есть. Можно закрывать.

Максим покрутил ручку.

Телефон в ящике.

Потом:

Мне без него легче.

Он тут же зачеркнул. Так, чтобы нельзя было прочитать. Написал ниже:

Дед, если ты это каким-то образом читаешь, то это нечестно.

Подумал и добавил:

Но пока спасибо.

Соня. День 1

На чердаке было жарко. Соня сидела на полу, тетрадь лежала на коленях.

Я съела половину супа.

Она сама не понимала, почему начала с этого.

Мама сказала «молодец».

Я не молодец. Я просто съела суп.

Пауза.

Мне кажется, если бы я исчезла на день, они бы заметили только вечером.

Соня смотрела на строчку. Она была слишком честной.

Рука потянулась зачеркнуть. Не стала. Вместо этого написала:

На чердаке что-то есть за старым комодом. Завтра посмотрю.

И закрыла тетрадь.

Внизу Максим крикнул:

– Соня! Свет выключай! Электричество тоже не бесплатное!

– Ты мне не папа!

– А папа сказал сказать!

– Сам выключи!

– Я не полезу на твой чердак, там пауки!

Соня улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Потом погасила лампу.

В темноте строчка из дневника всё ещё была видна у неё в голове.

Если бы я исчезла...

Она перевернулась на бок.

Глупость.

Завтра она её зачеркнёт.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТИШИНА ГРОМЧЕ

Глава 8. Второй день

Лена

Лена проснулась в семь без будильника и сначала не поняла, где находится. Потом вспомнила. Сосновка. Тридцать дней. Телефон в ящике.

Первой мыслью было проверить время. Часы стояли на тумбочке. 7:04. Второй – погоду. Она подошла к окну. Солнце. Третьей – почту. И вот тут делать было нечего.

Лена лежала ещё пять минут, глядя в потолок. Пять настоящих минут. Не те, которые исчезают между двумя уведомлениями.

Внизу уже гремел Андрей. Она спустилась. Он стоял перед кухонным шкафом.

- Кофе есть?
- Был вчера.
- Где?
- Я откуда знаю?
- Ты всё обычно знаешь.
- Не начинай.

Максим появился в дверях. Волосы торчали.

– Есть хочу.

Лена автоматически посмотрела за его плечо.

– Соня спит?

– Не знаю.

– Посмотри.

– Почему я?

– Потому что ты уже стоишь.

– Железная логика.

Он ушёл. Андрей нашёл банку растворимого кофе.

– Это не кофе.

– Это коричневый порошок с кофе на этикетке.

– Именно.

Лена поставила чайник. В Москве в это время она уже отвечала на первые письма. Здесь она не знала ничего. Это ощущалось не как отдых. Как слепота.

Максим вернулся.

– Соня не спит.

– Где она?

– На чердаке.

– Уже?

– Я что, её расписание знаю?

Лена хотела позвать дочь завтракать. Вспомнила вчерашнюю запись в дневнике – свою, не Сонину, конечно.

Здесь тихо. Я боюсь тишины.

От этого стало неловко, будто кто-то прочитал. Хотя ни-

кто не мог.

– Что на завтрак? – спросил Максим.

– Яйца.

– Сколько?

– Два.

– Мне три.

– Сам жарь три.

Он посмотрел.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно.

– А можно просто хлопья?

– Без молока?

– А молока нет?

– Есть корова у соседей.

Максим смотрел несколько секунд.

– Я начинаю понимать, почему люди изобрели города.

Андрей рассмеялся.

Через двадцать минут пришла Баба Валя с трёхлитровой банкой молока.

– Здрасьте, отдыхающие.

– Мы не отдыхаем, – сказала Лена.

– По лицу видно.

Она поставила банку на стол.

– Парное. Только вскипятите.

– Сколько мы должны?

Баба Валя махнула рукой.

– Потом.

Лена вздрогнула от слова.

– Нет. Сколько?

– Господи, женщина. Нисколько. Виктор мне насос прошлой зимой чинил. Считайте, проценты.

– Он умел чинить насосы? – спросил Андрей.

– Твой отец? Он всё умел чинить, кроме собственного характера.

Андрей замолчал. Баба Валя посмотрела на него.

– Не обижайся. Я его пятьдесят лет знала.

– Я не обиделся.

– Врёшь.

Максим тихо сказал:

– Мне нравится эта женщина.

– Я слышу, – ответила Баба Валя.

Соня вошла как раз, когда Лена разливала молоко.

– Будешь?

Дочь посмотрела на банку.

– Нет.

Лена почти спросила «почему». Не спросила. Поставила рядом чашку чая.

– Чай есть.

Соня кивнула.

Баба Валя смотрела. Лена почувствовала это раньше дочери.

– Сонюшка, ты всё такая худенькая.

Соня застыла. Лена сказала слишком резко:

– Валентина Сергеевна, не надо.

На кухне стало тихо. Баба Валя подняла брови.

– Чего не надо?

– Про внешность.

– Я же хорошее.

– Всё равно.

Соня посмотрела на мать. Не благодарно. Удивлённо.

– Ладно, – сказала Баба Валя. – Молодёжь нынче сложная.

– Взрослые тоже, – сказал Максим.

– Особенно ты.

Она потрепала его по голове.

– Эй!

– Вырастешь – спасибо скажешь.

– За что?

– Не знаю. Так положено говорить.

Когда Баба Валя ушла, Лена почувствовала себя глупо.

– Я переборщила? – спросила она у Сони.

– Немного.

– Извини.

– Но спасибо.

Два слова. Лена запомнила сильнее рабочего пароля, который не забывала десять лет.

Глава 9. Яблоки

Соня

За домом была яблоня. Старая, перекошенная, с одной веткой почти у земли. Под ней лежали яблоки. Красные, зелёные, коричневые от ударов.

Папа сказал:

– Надо собрать, иначе осы.

Максим ответил:

– Почему осы не могут просто жить свою жизнь?

– Потому что их жизнь будет у нашей двери.

– Дискриминация.

Они собирали яблоки вчетвером. Хорошие – в одно ведро. Мягкие – в другое, на компост.

– Это хорошее? – спрашивал Максим каждые двадцать секунд.

– Посмотри.

– Я смотрю. Оно с пятном.

– Срежем.

– А это?

– Тоже.

– Пап, ты вообще что-нибудь выбрасываешь?

– Деньги.

Лена резко посмотрела. Андрей понял, что сказал.

– Шутка.

– Очень смешно.

Соня подняла маленькое красное. На боку – белая точка. Сразу вспомнила фотографию. Красная шапка. Снег. Дед.

– Пап, он сам посадил?

Андрей посмотрел на дерево.

– С бабушкой. Когда я родился.

– Серьёзно?

– Ага.

– Тогда ей сорок пять лет?

– Примерно.

Максим обошёл ствол.

– Она выглядит лучше тебя.

– Спасибо.

– Я про возраст.

– Не помогло.

Лена засмеялась.

Соня провела рукой по коре. Дерево было шершавое, тёплое от солнца. Кто-то посадил его, когда папа был младенцем. Бабушки давно нет. Деда нет. Яблоня есть.

Это не казалось ни грустным, ни утешительным. Просто факт.

– Из хороших сварим компот, – сказала мама.

– И пирог, – предложил Максим.

Соня почувствовала, как внутри что-то сжалось. Слово «пирог» сразу стало цифрами. Она опустила яблоко в ведро.

Мама не смотрела. Никто не смотрел.

В какой-то момент Максим бросил в неё маленькое гнилое яблоко. Оно попало в плечо.

– Ты идиот?

– Оно плохое!

Соня швырнула в ответ. Промахнулась и попала в папу.

Андрей медленно выпрямился.

– Так.

– Это случайно, – сказала Соня.

Максим уже убегал.

Через минуту яблоки летали по саду. Только плохие.

Лена кричала:

– Вы совсем?!

Потом сама получила в ногу. Замолчала. Подняла яблоко. Попала Андрею в спину.

– Предатель!

– Это за телефон в гречке, – сказал он.

– При чём тут телефон?!

– Давно хотел.

Они смеялись. Соня тоже. Потом собирали всё второй раз. К вечеру руки пахли яблоками и землёй.

Мама всё-таки сварила компот. Пирог не стала. Никто не объяснил почему. Соня была благодарна, но не сказала.

Некоторые хорошие вещи тоже оставались без слов.

Глава 10. Тяга

Андрей

На третий день Андрей решил, что печь победит он.

Отец топил её одним движением. Газета. Щепки. Полёно. Спичка. Через пять минут дом пах дымом и теплом. Андрей помнил это настолько ясно, что был уверен: руки сами вспомнят.

Руки не вспомнили.

Первая попытка закончилась дымом.

– Пап, – сказал Максим, кашляя. – Оно должно так?

– Нет.

– А.

– Открой окно.

– Уже.

Вторая попытка закончилась небольшим пожаром. Полёно выкатилось из топки. Лена закричала. Соня появилась в дверях с кружкой. Максим сказал:

– О, теперь веселее.

– Ведро! – рявкнул Андрей.

– С водой?

– Нет, с компотом! Конечно с водой!

Через минуту всё было потушено. На полу осталась чёрная полоса.

Лена стояла, прижав ладонь ко рту.

– Ничего страшного, – сказал Андрей.

– Конечно. Мы просто чуть не сожгли дом в первый же уикенд.

– Мы не чуть не сожгли.

– Андрей, горело.

– Полено.

– В доме.

– Я потушил.

– Молодец.

Она сказала это без злости. Почему-то стало хуже.

Андрей вышел во двор и посмотрел на трубу. На трубе оказалось птичье гнездо. Старое, слежавшееся, забитое сажей. Он вытянул ветки. Потом ещё. Спустился чёрный до локтей.

Максим посмотрел на него и улыбнулся.

– Только попробуй.

– Что?

– Сказать что-нибудь про лицо.

– Я молчу.

– Ты улыбаешься.

– Это не запрещено.

Третья попытка удалась. Пламя пошло внутрь, печь загудела. Андрей сидел на корточках и ждал подвоха. Ничего. Тепло начало медленно расходиться по комнате.

Максим сел рядом.

– Так что было?

– Гнездо.

– И всё?

– Ещё я неправильно растапливал.

Сын повернул голову.

Андрей уже понял, что сказал.

– Ты же говорил, что умеешь.

– Я думал, что умею.

– А.

Максим смотрел на огонь. Ни насмешки. Ни «я же говорил». Просто принял.

Андрей неожиданно почувствовал облегчение.

Вечером он написал:

Печь работает. Я не помнил, как её топить. Сказал Максиму правду. Он не умер от разочарования.

А потом добавил:

Интересный опыт.

Глава 11. Река

Максим

Воду поручили Максиму. До колодца было тридцать семь шагов. Максим посчитал. Не специально. Просто стало интересно.

Колодец оказался настоящим – с воротом, цепью и тёмной водой далеко внизу. Цепь была ржавая. Звенья скрипели. Максим бросил ведро. Плеск. Начал крутить.

– Ты его боком набрал.

Он обернулся. У забора стоял парень с удочкой. Высокий, худой, в растянутой серой футболке.

– Чего?

– Ведро. Оно боком.

– Откуда знаешь?

– По звуку.

– Экстрасенс?

Парень пожал плечами.

– Дима.

– Максим.

– Знаю.

Максим напрягся.

– Откуда?

– Баба Валя.

А. Конечно.

Дима подошёл, взял цепь.

– Смотри.

Немного раскачал ведро и резко отпустил. Плеск был другой.

– Теперь полное.

– Я бы сам.

– Я не сомневаюсь.

Максим сразу решил, что Дима бесит. Через три минуты – что не очень.

Они вытащили воду.

– Ты на рыбалку? – спросил Максим.

– Нет, на дискотеку.

– Очень смешно.

– Иногда.

Дима взял удочку.

– Ладно.

И пошёл. Никаких вопросов. Ни про Москву. Ни про школу.

Максим смотрел ему вслед.

– А далеко река?

– Минут десять.

– Там рыба есть?

– Иногда.

– Какая?

– Мокрая.

– Ты всегда такой?

Дима обернулся.

– Какой?

– Ладно.

Он отнёс воду домой. Мама сказала:

– Ещё одно ведро надо.

– После.

– Максим.

– Мам, я на реку.

– С кем?

– С Димой.

– С каким Димой?

– С местным.

– Каким местным?

Максим закрыл глаза.

– Мам. Он с удочкой. Не серийный убийца. Наверное.

– Очень смешно.

– Я к обеду.

Она хотела возразить. Потом вдруг сказала:

– Хорошо. Только скажи папе.

Максим вышел, пока разрешение не отменили.

Дима сидел у воды. Река оказалась узкой и спокойной.

– Думал, не придёшь, – сказал Дима.

– Почему?

– Городские обычно брезгуют червями.

– Я не брезгую.

Через минуту Максим понял, что брезгует. Дима молча

насадил червя вместо него.

– Никому не говори.

– Уже всем написал.

– Смешно.

– Иногда.

Они сидели. Первые пять минут Максим ждал разговора. Потом перестал. Тишина у реки была другой. Не как дома. Дома в тишине всегда чувствовалось, что кто-то должен что-то сказать. Здесь – никто ничего не должен.

Через десять минут мозг начал вытаскивать то, что телефон обычно забивал собой.

Школьный туалет. Смех в коридоре. Фейковый профиль. Его фотография с чужой подписью. Комментарий девочки из параллели: Это реально он? Лёха: Да, сто пудов.

Максим сильнее сжал удочку.

– Сломаешь, – сказал Дима.

Максим разжал пальцы.

– В Москве дерьмово.

Слова вылетели сами.

Дима кивнул.

– Бывает.

– Ты там был?

– Нет.

– Тогда откуда знаешь?

– Везде бывает.

Максим хотел сказать дальше. У меня в школе...

Поплавок дёрнулся.

– Сейчас, – сказал Дима.

Максим рванул удочку. На леске забилося что-то серебристое.

Через несколько секунд на траве лежала рыбка размером с ладонь. Она открывала рот. Закрывала. Снова открывала.

– И что теперь? – спросил Максим.

– Решай.

– Что?

– Заберём или отпустим.

Максим присел. Рыба смотрела круглым стеклянным глазом. Глупо было думать, что она боится. Но он подумал.

– Отпустим.

Дима кивнул. Максим опустил её в воду. Несколько секунд она лежала у берега. Потом дёрнула хвостом и исчезла.

– Всё? – спросил он.

– Всё.

– Мы час сидели ради этого?

– Сорок минут.

– Тупо.

Дима начал сматывать леску.

– Завтра придёшь?

Максим посмотрел на воду.

– Приду.

Домой он вернулся без рыбы, с грязными руками и странным ощущением, что день прошёл не зря.

В дневнике вечером написал:

Поймал рыбу. Отпустил. Познакомился с Димой. Он задаёт мало вопросов.

Потом подумал и добавил:

Это удобно.

Глава 12. Три цвета

Соня

За комодом лежал этюдник. Соня нашла его на четвёртый день.

Внутри оказались кисти. Палитра. Тюбики краски. Большинство превратились в камень.

Соня нажимала по очереди. Белая – мёртвая. Зелёная – тоже. Охра не открылась вообще. Синяя поддалась. Потом красная. Жёлтая.

Три цвета.

Она выдавила немного синего на палитру. Запах масла сразу заполнил чердак. Густой. Горьковатый. Старый.

Синий пах именно так. Конечно, цвета не пахнут. Соня знала. Но у неё пахли. И иногда звучали. Красный был коротким громким звуком, как хлопок двери. Жёлтый – тонким, почти стеклянным. Синий был глубоким и тихим. Как вода ночью.

Она нашла несколько кусков грунтованного картона. Села на пол.

Я не умею.

Когда-то умела. В шесть лет мама водила её в студию. Там пахло гуашью, клеем и мокрыми варежками. Соня рисовала собак, людей без шеи и дома, у которых трубы были больше окон. Преподавательница говорила: «Не бойся испортить».

Потом они перестали ходить. Почему? Соня не помнила. Наверное, стало некогда. У всех.

Она провела синюю линию. Получилось криво. Красную. Ещё хуже. Хотелось выбросить. Но краска уже была на картоне. С ней нужно было что-то делать.

Через двадцать минут возникло окно. Потом стена. Диван. На диване – фигура.

Мама.

Вчера Лена уснула днём на десять минут. Соня проходила мимо и остановилась. Во сне у мамы исчезла складка между бровями. Рот перестал быть тонкой линией. Руки лежали спокойно.

Соня нарисовала ей улыбку. Посмотрела. Нет. Мама не улыбалась. Соня стёрла улыбку пальцем. Получилось грязное синее пятно. Так было честнее.

– Соня! – донеслось снизу.

Она вздрогнула.

– Что?

– Обед!

– Не хочу!

Пауза.

– Ты завтракала?

– Да!

Ответ вышел слишком быстро.

Соня опустила кисть. Утром был чай. Половина яблока. Не половина. Чуть меньше.

Она сразу начала считать. Яблоко. Вчерашний суп. Три ложки картошки вечером.

Стоп.

Кисть. Синий. Красный. Жёлтый.

Соня снова провела линию. Через некоторое время голод отступил на задний план. Не исчез. Просто перестал быть главным.

Она заметила это и испугалась. Последние недели еда жила у неё в голове как отдельный человек. Комментировала. Считала. Сравнивала. Ругала.

А сейчас этот человек вышел из комнаты. На час.

Соня продолжала рисовать.

Люк скрипнул.

– Ты здесь? – спросил Максим.

Она быстро накрыла картон газетой.

– Нет.

Появилась его голова.

– Понял.

– Тебе чего?

– Верёвка нужна.

– Какая?

– Любая. Дима сказал, из неё можно...

Он увидел кисть. Потом газету. Из-под газеты торчал синий угол рисунка.

– Ты рисуешь?

– Нет.

Максим посмотрел на кисть.

– Ладно.

– Не говори маме.

– Почему?

– Потому.

– Она что, запретит?

– Просто не говори.

– Хорошо.

Он уже полез вниз.

– Макс.

– Что?

– Ты видел?

– Немного.

– И?

– Что «и»?

– Ничего.

Он пожал плечами.

– Нормально.

– Что нормально?

– Рисунок.

И исчез.

Соня долго смотрела на люк.

Нормально. У них этим словом обычно закрывали разговор. Но сейчас оно прозвучало иначе. Не «отстань». Просто: нормально. Не плохо. Не смешно. Не стыдно.

Она сняла газету. Посмотрела на маму на диване.

И впервые не захотела выбросить рисунок.

Глава 13. Магазин

Соня

До магазина было восемьсот метров. Мама сказала:

– Возьми хлеб, соль и что-нибудь к чаю.

– Что-нибудь – это что?

– Что хочешь.

Соня ненавидела такие задания. Что хочешь. В магазине было слишком много «хочешь».

Восемьсот метров. Она считала шаги. Не специально. Просто цифры приходили сами. Двести. Четыреста. Шестьсот. У магазина сбилась. Не важно.

Печенье. Конфеты. Сушки. Мороженое в старом морозильнике.

Она стояла у полки и читала упаковки. Не специально. Глаза сами находили таблицы. Цифры. На сто граммов. На порцию. Сахар. Жир. Калории.

Соня знала, что не должна это делать. Она знала это уже месяц. Знала в клинике. Знала дома. Знала сейчас. Знание не помогало. Цифры были громче.

Она взяла пачку вафель. Положила обратно. Взяла пряники. Обратно.

Цель была простая: купить что-нибудь к чаю. Не думать. Просто взять. Но рука не поднималась. Каждая упаковка была не едой. Она была числом.

– Ты выбираешь или инвентаризацию проводишь?

Баба Валя стояла с корзиной.

– Выбираю.

– Бери с вишней. Нормальные.

– Не хочу.

– А чего хочешь?

Соня почувствовала раздражение.

– Ничего.

– Тогда чай пей пустой. Тоже люди живут.

Баба Валя пошла дальше. Соня смотрела ей вслед. Почему от простого «не хочешь – не бери» стало легче?

Она стояла ещё минуту. Потом взяла чай. Не сладкое. Просто чай. Это было решение. Не победа. Решение.

Потом увидела на кассе маленький альбом для рисования. Бумага плохая, тонкая. Но можно карандашом. Денег хватало.

Она взяла альбом. Не еду. Не число. Просто бумагу. И это было легче, чем хлеб.

Продавщица пробила.

– Ты Виктора внучка?

Соня кивнула.

– Художница?

– Почему?

Женщина показала на альбом.

– Просто.

– Не художница.

– А Виктор рисовал.

Соня замерла.

– Дед?

– В молодости. Вывески всем делал. Плакаты. Клуб оформлял.

Баба Валя, уже у двери, обернулась.

– И карикатуры.

– Какие ещё карикатуры?

– На всех нас. Мне нос нарисовал вот такой.

Она показала рукой огромный размер.

– Я с ним неделю не разговаривала.

Соня улыбнулась.

– У него на чердаке краски.

– Его. Чьи же.

– Я думала, бабушки.

– Нет. Там и её кое-что есть, но краски Витькины.

Соня вышла из магазина с хлебом, солью, чаем и новым фактом о деде. Она не купила ничего к чаю. Но купила альбом. И это считалось.

Человек, который в её памяти был только стариком в свитере, когда-то рисовал карикатуры. Это казалось почти невозможным.

У дома она увидела папу.

– Дед рисовал?

Андрей поднял голову от доски.

– Кто сказал?

– В магазине.

– Немного.

– Почему ты не говорил?

Он пожал плечами.

– Не спрашивала.

Соня почувствовала укол.

– А сам нельзя было?

Андрей посмотрел внимательнее.

– Наверное, можно.

– У него хорошо получалось?

– Не знаю. Для меня в детстве – хорошо.

– Что рисовал?

– Всё подряд. Однажды нарисовал нашего соседа с головой петуха, потому что тот будил всех в шесть утра мотоциклом.

Соня засмеялась.

– Есть?

– Может, в старых папках.

Они поднялись на чердак вместе. Раньше чердак был её. Папа не трогал вещи, только помог сдвинуть тяжёлую коробку.

Внизу лежала папка. В ней – рисунки. Чёрно-белые. Люди. Дом. Старый вокзал. Смешные лица соседей.

На одном – мальчик лет десяти на велосипеде. Подпись: Андрей. После падения. Делает вид, что не больно.

Соня посмотрела на отца. Он взял лист.

– Я забыл.

– Ты плакал?

– Конечно нет.

Она показала на подпись.

– Тут написано, что делал вид.

– Художественный вымысел.

– Конечно.

Они улыбнулись.

Соня вдруг поняла: дед видел папу ребёнком. Так же подробно, как её в красной шапке. И, может быть, тоже не всегда умел сказать это живому человеку.

На обратной дороге вниз Андрей спросил:

– Покажешь свои?

Соня хотела сказать нет. Потом подумала.

– Один.

– Один так один.

Она показала маму на диване. Андрей смотрел долго.

– Она тут усталая.

– Она и была усталая.

– Да.

Никакого «красиво». Никакого «талант». Просто увидел то, что она рисовала. Соня решила, что этого достаточно.

Глава 14. Серый ящик

Лена

На пятый день пошёл дождь. С утра. Ровный, настойчивый, без ветра. Двор стал серым. Лес исчез за водой. Дом словно отрезали от остального мира ножницами.

Лена стояла на кухне и смотрела на металлический ящик. Он стоял на полке.

Пять дней. Она не пользовалась телефоном пять дней. Смешной срок. Люди от сахара отказываются на месяц. Бегают марафоны. Не курят годами. Она просто не может проверить почту.

Почему тогда руки иногда становятся холодными? Почему ночью снится вибрация? Почему ей кажется, что без неё прямо сейчас происходит что-то непоправимое?

Лена открыла шкаф. Закрыла. Открыла холодильник. Закрыла.

– Мам, – сказала Соня.

Лена вздрогнула.

– Что?

– Ты четыре раза холодильник открыла.

– И?

– Ничего.

Соня ушла.

Они всё замечают.

Мысль была неприятной.

Лена поднялась в спальню, где лежал аварийный планшет. На экране – три контакта. Она нажала на кнопку нотариуса. Палец завис над «вызов».

Можно сказать, что срочно. Работа – срочно. Есть проекты. Договоры. Люди зависят от неё.

Она почти нажала. Потом представила лицо Аркадия Львовича.

Что произошло?

Мне нужно проверить рабочую почту.

Это угрожает жизни?

Лена выключила экран. Села на кровать.

Самое неприятное было не в том, что работа могла развалиться. Самое неприятное – что не разваливалась. Наташа справлялась. Конечно справлялась. Лена сама её нанимала именно потому, что та умела справляться.

Если месяц всё проживёт без меня – что тогда?

Снизу Максим закричал:

– Соня, нет слова на мягкий знак!

– Я знаю!

– Тогда зачем ты положила карточку?

– Потому что она мне мешает!

– Это жульничество!

– Это стратегия!

Лена спустилась. На полу была разложена дедова самодельная игра в слова.

– Мам, рассуди, – сказал Максим.

– Что случилось?

– Она скинула карточку «Ъ».

– Я её не скинула. Я передвинула.

– На пол.

– Случайно.

– Ногой.

Соня посмотрела на Лену.

– Он зануда.

– Она преступница.

Лена неожиданно села рядом.

– Давайте правила.

– Ты играешь? – удивился Максим.

– А что?

– Ничего. Просто...

Он не договорил. И правильно.

Они играли сорок минут. Максим спорил о каждом слове.

Соня придумывала несуществующие. Лена поймала себя на том, что смеётся.

Потом – что уже десять минут не смотрела на ящик.

И немедленно посмотрела. Серый. Закрытый. На месте.

Она разозлилась на себя.

– Твоя очередь, – сказал Максим.

– Вижу.

Лена взяла карточку. На ней была буква «К».

– Кориандр.

- Что?! – возмутился Максим. – Это нечестно.
- Почему?
- Потому что взрослое слово.
- Есть возрастной ценз на слова?

Соня хихикнула.

- Записывай, – сказала Лена.

Максим записал.

Мир не рухнул. Пока.

Глава 15. Стирка

Лена

Стиральная машина сломалась на шестой день.

– Стираем вечером, – сказал Андрей.

– А сейчас?

– Руками.

Лена посмотрела на гору белья.

– Нет.

Через двадцать минут она стирала. Соня полоскала. Максим развешивал. Андрей чинил розетку, которая ни в чём не была виновата.

– Так нельзя вешать футболки, – сказала Лена.

Максим посмотрел.

– Они висят.

– Вытянутся.

– Они уже взрослые. Пусть сами решают.

– Перевесь.

Он демонстративно вздохнул.

Соня тихо сказала:

– Мам, ты правда думаешь, что если футболка высохнет неправильно, случится что-то страшное?

Лена застыла с мокрой простынёй в руках.

– Нет.

– Тогда пусть.

– Она испортится.

– Это футболка Максима.

Максим поднял руку.

– Я готов рискнуть.

Они оба смотрели на неё. Лена почувствовала себя смешной. И злой.

– Делайте что хотите.

Бросила простыню в таз. Вода плеснула на ноги.

– Мам, – сказала Соня.

– Что?

– Ты обиделась?

– Нет.

– Врёшь.

– Почему вы все решили, что можете меня анализировать?

Соня отступила. Максим перестал улыбаться. Лена увидела их лица и сразу пожалела.

– Извините.

Никто не ответил.

Она взяла простыню. Полоскала слишком резко.

Андрей подошёл позже, когда дети ушли развешивать бельё за домом.

– Ты устала.

– Не говори очевидное.

– Хорошо.

– И это тоже не говори.

Он сел на перевёрнутое ведро.

– Что случилось?

– Ничего.

– Лен.

Она выжимала ткань.

– Я не умею жить, когда всё не под контролем.

Фраза вышла сама. Андрей посмотрел.

– Это я заметил.

– Спасибо.

– Ты сама сказала.

– Я не просила соглашаться.

Он улыбнулся. Лена тоже, против воли.

– Бесишь.

– Взаимно.

Он ушёл. Лена осталась с мокрой простынёй.

Вечером она записала в дневник:

Сегодня сорвалась на детей. Из-за футболок. Кажется, я схожу с ума.

Потом подумала и добавила:

Андрей сказал, что это он заметил. Давно. Он не спросил, что со мной. Он просто знал.

Глава 16. Монополия

Максим

Дождь не сдавался и на следующий день. После обеда Максим понял, что если ещё час будет смотреть в потолок, начнёт разговаривать с мебелью. Он полез в дедов шкаф.

Шашки. Лото. Карты. «Монополия» в коробке, пережившей несколько поколений детей.

– Кто играет?

Соня лежала на диване с книгой. Страница не переворачивалась минут десять.

– Я.

Папа стоял у окна.

– Я тоже.

Мама мешала суп.

– Я потом.

– Нет, – сказал Максим. – Ты судья.

– Почему судья?

– Чтобы папа не жульничал.

– Я не жульничаю.

– Ты в прошлый раз сдвинул фишку на одно поле.

– Это было лет восемь назад.

– Но было.

Соня подняла руку.

– Свидетель подтверждает.

Папа посмотрел на неё.

– Тебе тогда было девять.

– Тем более. Травма детства.

Лена выключила плиту.

– Хорошо. Но если вы начнёте орать, я уйду.

Через двадцать минут орал все.

Папа доказывал, что можно строить дом после обмена.

Мама читала правила. Соня считала деньги трижды.

– Зачем? – спросил Максим.

– Хочу знать, сколько.

– Ты только что считала.

– И что?

Он пожал плечами.

Игра пошла быстрее. Папа попал на улицу Сони.

– Семьсот, – сказала она.

– Грабёж.

– Рынок.

– Вся в мать.

– А что я? – спросила Лена.

– Ты тоже грабишь.

– Я тебя кормлю.

– За мои же деньги.

Максим смеялся. Соня тоже. Настоящее – с открытым ртом, запрокинув голову.

На секунду Максим увидел фотографию в коридоре. Красная шапка. Тот же смех.

Рядом с доской стояла миска с печеньем. Соня взяла одно, не глядя. Потом второе. Потом третье.

Максим не заметил бы, если бы она вдруг не замерла. Рука остановилась над миской. Лицо изменилось. Всего на секунду.

– Твоя очередь, – сказал он.

– А?

– Кубики.

– Да.

Она бросила. Шесть. Передвинула фишку. Но уже не смеялась.

Игра закончилась через час. Соня выиграла.

– Реванш? – спросил папа.

– Нет.

Она быстро поднялась.

– Я наверх.

– Сонь, суп, – сказала мама.

– Потом.

Лена открыла рот. Папа тихо сказал:

– Пусть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.